

У Се сегодня был необычайно возбужден. На уроках он всё время ерзал на стуле, не в силах усидеть на месте. Когда его спрашивали, в чем дело, он лишь глупо улыбался, не проронив ни слова.

Как только Эр Цзин привез его домой, У Се прямиком бросился в комнату младшего брата. У Се сам помогал её обустроить: с тех пор как узнал, что мама беременна, он мечтал о маленьком братишке, с которым можно будет играть.

— Третий дядя, это и есть младший брат? Он такой крошечный, — У Се прильнул к бортику детской кроватки и поводил рукой в воздухе над малышом, — и почему он такой... немного некрасивый?

У Санышэн отвесил ему щелбан. Услышав возглас У Се, он довольно убрал руку:

— Это ты некрасивый! Твой брат выглядит куда лучше, чем ты в младенчестве. Вот увидишь, вырастет — девчонки от него глаз не отведут!

У Се потер лоб и украдкой закатил глаза в сторону дяди.

У Эрбай, стоявший рядом, заметил:

— Все новорожденные такие. Ты в первые дни жизни был ничуть не краше. Подрастет немного, окрепнет — и станет красавцем.

— Ладно. А имя брату уже придумали? Мама вчера говорила, что еще не решила.

Имя У Се дал дедушка, а для младшего сына право выбора оставили за мамой. Никто и подумать не мог, что за все девять месяцев беременности и время после родов она так и не определится.

— Мама придумала. Его зовут У Ван. В пару к твоему имени, похоже, да?

У Се вытаращил глаза от изумления:

— У Ван? — он перевел взгляд на брата, потом на дядю, повторил это несколько раз и осторожно спросил: — Это не то же самое У-Ван, как когда собака лает у-ван, у-ван?

Ведь всех собак в их доме звали именно так!

— Что за собачий лай ты несешь? Это Ван от слова суетность, беспричинность! Мама хочет, чтобы он рос в спокойствии и безопасности. Если сложить ваши имена, получится пожелание:

пусть в вашей жизни не будет бед и невзгод, пусть вы всегда останетесь чистыми и невинными. Какое прекрасное благословение, а ты всё опошил своим лаем!

У Саньшэн от души потрепал племянника по голове — совсем необразованный мальчишка.

У Се, которого от каждого шлепка мотало из стороны в сторону, поспешил сдаться:

— Ладно-ладно, я понял! Это Ван от слова заблуждение, так ведь?

— Эх, тебя три дня не поколотишь, так ты... — У Саньшэн замахнулся, но У Эрбай его прервал:

— Малыш Ван спит, чего раскричался? Если разбудишь и он заплачет, сам будешь укачивать.

Увидев, что У Ван в кроватке заворочался, У Саньшэн досадливо опустил руку и зыркнул на У Се:

— Всё, посмотрелся? Давай марш отсюда, иди делай уроки, не мешай брату спать.

У Се, прилипший к кроватке, помотал головой. Он только пришел, уходить не хотелось.

Видя это, братья У направились к выходу:

— Руки не распускай, брата не трогай! Присматривай за ним, если что — зови взрослых.

У Се кивнул, не оборачиваясь. Он во все глаза смотрел на брата. Постояв так немного, он вдруг огляделся по сторонам. Убедившись, что никого нет, он хихикнул и осторожно похлопал малыша по пеленкам. Подождал — никакой реакции. Тогда он легонько ткнул пальцем в уголок детских губ.

Вскоре У Се заметил, что брат слегка зашевелился, а губы начали двигаться. Не успел он опомниться, как малыш взял его палец в рот и пару раз причмокнул.

У Се замер. Палец стал влажным и теплым. Он осторожно пошевелил им, услышал тихое хрюкание брата и поспешно вытянул руку. Огляделся — никто не пришел на шум, и он с облегчением вытер палец о пеленки малыша, чувствуя себя воришкой.

Однако уходить У Се не спешил. Он продолжал висеть на бортике кроватки и шептал:

— И чего ты всё в рот тянешь? Палец брата совсем не вкусный.

Потом он снова засмеялся:

— Хе-хе, ну точно как имя для щенка, Ван-у... Ван-у... — У Се потянулся к брату и беззвучно изобразил собачий лай. Посмеявшись над собой, он добавил: — Ван-ван звучит не очень. Давай я буду звать тебя Ван-ван? Нет, лучше просто Ван-ван! Маленький Ван-ван, это я, твой старший брат.

Ночь. У Тун тихо лежал на боку в своей кроватке. С самого рождения его восприятие окружающего мира было притупленным: всё виденное и слышанное казалось окутанным густым туманом, он чувствовал лишь прикосновения к телу.

Со временем он начал воспринимать всё больше. Он понял, что в этой жизни у него есть не только любящие бабушка, папа и мама, как он и мечтал, но еще два дяди и старший брат.

Поначалу он не мог поверить, что это правда, но в каждом объятии чувствовал одну и ту же нежность. Они постоянно следили за ним, укачивали, целовали в щечки (а брат еще целовал его маленькие ручки и ножки) и каждый день хвалили, какой он послушный и милый.

Каждый день для У Туна был сладким, как мед. Поэтому каждому, кто к нему приближался, он дарил широкую улыбку и старался вести себя хорошо, чтобы не доставлять семье хлопот, — он хотел быть самым спокойным ребенком на свете.

Кстати, у него теперь есть новое имя, в котором заключена любовь его родных. Теперь он — У Ван.

Что касается Сяо Юньдо, то, чтобы не вызвать подозрений, она осталась снаружи и скиталась где-то вдаль; он чувствовал лишь слабую связь с ней.

Утром У Ван услышал приближающиеся шаги брата. Пол гулко отзывался под его ногами — У Се был крепким и активным мальчиком, полным энергии с самого утра.

У Се сегодня встал рано, потому что несколько дней назад папа сказал, что на Новый год они поедут в Пекин к родственникам, где будут другие дети. Он был в восторге, хотя, казалось, он всегда был в восторге.

У Саньшэн: Это просто ходячий сгусток энергии!

У Се по привычке первым делом прибежал к брату, чтобы поцеловать его в щечку. Он просто обожал этого белокожего, милого малыша.

Да, его брат наконец-то перестал быть похож на уродливую обезьянку — теперь он был ароматным, мягким и послушным пухляшом.

— Ван-ван, доброе утро! Чмок! — У Се громко чмокнул брата в лицо, а потом по привычке подставил свою щеку к его губам.

У Ван почувствовал поцелуй и залился звонким смехом. Он изо всех сил вытянул губки и чмокнул брата в ответ, активно размахивая ручками, отвечая на любовь старшего брата.

У Се забрался на кровать, чтобы помочь брату потренироваться переворачиваться — это стало его любимым занятием.

— Ван-ван, сегодня мы едем в дальнюю дорогу, — приговаривал У Се, переворачивая брата. — Знаешь куда? В Пекин! Это наша столица. Там будут другие дети, будем играть, весело, правда?

Увидев, что У Ван серьезно кивает, У Се растаял. Его брат такой милый! Вдруг он спохватился и добавил:

— Но ты должен дружить только со мной, мы же самые близкие братья! Запомни, все остальные — чужие!

У Ван продолжал кивать. Он запомнил: У Ван будет дружить только с братом!

У Се поцеловал брата и вытер слюнки маленьким платочком:

— На кровать капнешь, Ван-ван! — Увидев, как брат смущенно уткнулся ему в грудь, У Се счастливо рассмеялся.

Всю дорогу У Ван с любопытством смотрел в окно. Это была его первая поездка, и мир снаружи казался ему совершенно чужим.

У Се же совсем приуныл — долгая поездка в поезде сводила его с ума. Он с восхищением смотрел на У Вана, который не отрываясь глядел в окно. У такого крохи столько энергии! И вообще, удобно ли ему смотреть в окно в таком положении? У Се озадаченно почесал голову.

— Мама, долго еще ехать?

Гао Ижуй, прислонившись к спинке спального места, одной рукой придерживала У Вана, а другой держала книгу. Услышав вопрос, она взглянула на часы:

— Скоро, еще часа три. Посиди спокойно, посмотри, какой у тебя брат послушный.

У Се, услышав про три часа, с воплем повалился на кровать. А услышав, как мама хвалит брата, тут же сел, фыркнул и, полный возмущения, переложил брата к себе на кровать.

— Нечего смотреть! Брат сейчас очень расстроен и будет тебя обижать!

Сказав это, он легонько укусил У Вана за щеку. Тот на секунду замер, а потом потянулся ручкой к голове брата. У Се отстранился, поцеловал его, и братья начали играть в игру: ты меня целуешь, я тебя кусаю.

Лежавшие на соседней полке папа и бабушка начали подшучивать над его детским поведением. Эх, он же делает это ради брата! За окном одни камни да горы, что там интересного? Лучше смотреть на брата, а брат, по крайней мере, красивый.

Поезд наконец прибыл на станцию. Выбравшись из вагона, У Се почувствовал, что ожил.

На перроне их уже ждал Се Ляньхуань. Увидев семью У, он замахал руками:

— Третий брат! Сюда, сюда! Пятый дядя, тетя, старший брат, невестка, второй брат, с Новым годом!

— С Новым годом! Это Се Цзю тебя прислал? Долго ждал?

— Что вы, мы только что пришли. Это мои братья, мы редко видимся. — Се Ляньхуань представил своих спутников и семью У.

Из-за непростых времен путешествовать было трудно, и семьи У и Се редко общались, кроме Се Ляньхуаня, который частенько навещался в Ханчжоу.

Добравшись до Пекина, они быстро доехали до поместья Се.

У Лаогоу, выйдя из машины, сразу увидел Се Цзю. Старик отлично сохранился, даже в преклонном возрасте выглядел щеголевато.

— Давно не виделись, Пятый мастер всё такой же бодрый! — они обнялись. Се Цзю поприветствовал остальных и сказал: — Инмэй, устала с дороги? Идите в дом, отдохните, комнаты уже готовы.

Бабушку У Се звали Инь Инъяо. Она приходилась Се Цзю двоюродной сестрой, поэтому он привык называть ее Инмэй.

У Се вернулся с родителями в гостевую комнату и тут же рухнул в кресло, выглядя совершенно изможденным.

Гао Ижуй положила У Вана на кушетку и, глядя на его усталое, но милое личико, не удержалась и пару раз поцеловала его.

Она повернулась к У Ицюну:

— Хорошо, что наш Ван такой разумный и не капризничает, иначе дорога была бы невыносимой. Не понимаю, зачем везти такого маленького ребенка в такую даль.

Изначально она планировала, что если семья У поедет в Пекин, она останется с малышом у родителей, ведь ребенок слишком мал, и случись что в дороге — уже ничего не поделаешь.

У Ицюну, разобрав вещи, подошел к сыну, похлопал его и обнял жену за плечи:

— Ну всё, ты тоже устала. Отец хотел, чтобы семьи повидались, времена наконец стали спокойнее, да и ребенку полезно познакомиться с родней.

— Я достану тебе одежду, иди прими душ и отдохни, я сделаю тебе массаж. Теща права, наш малыш весь в тебя: с рождения такой понятливый.

— Ой, перестань, ты только и умеешь, что подлизываться, — Гао Ижуй сердито, но с любовью посмотрела на мужа. Она-то знала свой характер: с детства была не из робкого десятка, вспыльчивая, совсем не чета Вану. Только мама видела в ней всё самое лучшее.

Она посмотрела на У Вана, который на кушетке дергал ручками и ножками, а потом на У Се, который сидел в совершенно неподобающей позе. Характеры у обоих сыновей совсем не в них, особенно у Се — точно набрался дурного у третьего дяди.

— Как помоетесь, иди тоже в душ, приводи себя в порядок, — сказала она сыну.

— Хорошо, — протянул У Се. — Папа, мой дорогой папа, можно мне тоже массаж? Я так устал в дороге!

— Сынок, мой почтительный сын, сначала сделай массаж отцу. Я уже старый, совсем разваливаюсь.

У Се: ?_?